Максимов Андрей 4.04.02.

УЖАС ПРЯМОГО ЭФИРА

Веч. Москва — 2002 — 4 апр. — с. 8.

«Ночной полет» Андрея Максимова «перелетает» с ТВЦ на «Культуру». И это разумно: мало кто из наших телеведущих может похвастаться, что провел восемьсот прямых эфиров в ежедневном режиме и поговорил практически со всей культурной элитой страны. Сегодня Андрей МАКСИМОВ рассказывает о себе читателям «Вечерки».

Андрей МАКСИМОВ о «Времечке» и о себе

ИТАР-ТАСС

Лечебное действие эфира

— Минута до эфира!

А голос-то какой беспристрастный... Ему-то хорошо, режиссеру, он за кадром. А я? Как же я? Сейчас все увидят, какой я косноязычный, нечесаный, и дикции у меня — полон рот.

— Тридцать секунд! Андрей, поправь пиджак!

Как же я могу пиджак поправить, если у меня фигура такая — волнистая? И пиджак будет волнами. Чего они от меня все хотят? Ведь никогда, никогда не смогу я быть таким ироничным, как Лев Новоженов, вот он тут сидит, за соседним столом, и таким элегантным, как Ларри Кинг, и таким мудрым, как Владимир Познер... Что я тут вообще делаю? Как я сюда попал? Бежать! Немедленно и быстро.

— Все. Мы — в эфире!

Не успел...

— Добрый вечер! Сегодня из нашей программы вы не узнаете...

Это я? Это мой голос? Вот это дрожащее, волосато-очкастое существо, с трудом помещающееся на экране, — это и есть я? И меня сейчас все увидят? Сколько это «все»? Сотни тысяч? Миллионы?

Не думать об этом. Не думать. Иначе можно сойти с ума...

У замечательного фронтового поэта Юрия Белаша есть такие строки: «Как первую любовь, не забываю и первого убитого врага». Так именно незабываем и первый эфир.

Состояние полной истерики. Когда на мониторе я увидел заставку: «А-а Тэ-э Вэ-э» (к слову сказать, «исполняет», если можно так выразиться, эту заставку замечательный певец и актер Алексей Кортнев), я решил, что нужно встать и уйти. Понимал, что будет скандал и меня, конечно, выгонят. Ну и что? Жил ведь я без телевидения 37 лет и дальше проживу. Был просто журналист. Стал ведущим программы «Времечко». Теперь буду снова просто журналист. Всего и делов-то, как говорится.

Знаете, что меня остановило? Только то, что был привязан «петличным» микрофоном. Я понял: пока его отстегну, начнется передача и зрители увидят суетящегося меня... В общем, я остался...

Выброс адреналина — это очень мягко сказано про прямой эфир. На нем вообще происходят вещи странные и необъяснимые: например, живот перестает болеть и даже неуправляемые, казалось бы, процессы в желудке запросто управляются прямым эфиром.

Однажды перед эфиром у меня пошла кровь из носа. Со мной такое случается, и я знаю: этот поток остановить нелегко. Но как только прозвучала команда: «Вы — в эфире!» — кровь каким-то чудесным образом остановилась сама.

Забывается зубная боль. Забываются любые, даже самые неразрешимые, проблемы. Прямой эфир требует такой же предельной концентрации, как выход на сцену.

Я давно понял: прямой эфир — это театр (то есть действие происходит здесь и сейчас), а передача в записи (в записи я вел «Старую квартиру», «Пресс-клуб», «Мужчину и женщину») — это кино. Я люблю прямой эфир и театр.

Я и Градский

Уже относительно недавно в самолете, летевшем все в тот же Санкт-Петербург, стюардесса, стесняясь, подплыла ко мне и, краснея, прошептала в самое ухо:

— Извините, ради бога, мы тут поспорили: это вы или не вы? Я говорю: он, а мне все возражают: нет, точно не он. Вы ведь Александр Градский, правда?

Признаюсь, что, искренне уважая Александра Борисовича, я не нашел в себе сил отказаться побыть в его шкуре хоть один час полета. С Градским меня путают регулярно. Иногда это происходит довольно забавно.

Однажды я поймал такси. Водитель, как мне опрометчиво показалось, меня узнал, и я приготовился уже отвечать на многочисленные «телевизионные» вопросы, но напрасно.

— Вы ведь Градский? — смущенно произнес таксист.

Не имея глупой привычки спорить ни с какими рулевыми, я на всякий случай согласился.

Потрясенный общением с великим, шофер некоторое время молчал, а потом прошептал (по-моему, сам испугавшись своей смелости):

— Сань, спой, а? Ну, пожалуйста.

Я немедленно стал хрипеть, ссылаться на простуду и полное отсутствие голоса в данный момент моей простуженной жизни.

Но водитель не отставал:

— Один куплетик. Пожалуйста. «Как молоды мы были...» Ну! Жене расскажу. Аргумент про жену, разумеется, решил дело.

Я, конечно, посетовал на полное отсутствие голоса, но что-то такое прохрипел. (Простите, Александр Борисович!) И тут я еще раз убедился, что магия имени — великое дело. Все возможные эпитеты были мне высказаны немедленно и в весьма эмоциональной форме.

К счастью, мы доехали быстро. Денег с меня (Градского) водитель, разумеется, брать не стал, но попросил уже по-свойски:

— Сань, автограф-то черкни!

С детства в меня была вбита уверенность, что расписываться за чужих не только нехорошо, но и подсудно, поэтому я вылетел из машины.

Наверное, водитель не раз потом рассказывал своей жене про странного певца Александра Градского, которому не западло петь в машине, однако западло давать автографы.

Кстати, с настоящим Градским мы едва не подрались во время нашего первого прямого эфира. Александр Борисович почему-то решил ругать одного очень знаменитого музыканта, а я почему-то решил этого музыканта защищать. Я так и сказал Градскому:

— Мне прям хочется ударить вас за такие слова.

Но тут эфир закончился. С Градским мы спорили и во время записи «Старой квартиры». Суть спора я позабыл, но финал его помню очень хорошо: Александр Борисович ударил по струнам и запел, глядя мне в глаза:

— Ах, мразь телевизионная...

И при всем этом я очень люблю Градского, человека чрезвычайно талантливого, интересного и доброго. Он может говорить что угодно и как угодно, может быть резким и совсем нелицеприятным, но я не знаю ни одного человека, кому бы он причинил реальное зло. Чисто конкретно.

О правильном отношении к лошадям

Для себя я решил так: по мощи воздействия на человека влияние музыки, театра, я уж не говорю о литературе, куда сильнее, нежели телевизионное. Что касается всеохватности, тут тоже не надо терять голову. Кроме того, правильно заметил Лев Юрьевич Новоженов: «Конечно, если задницу лошади каждый день показывать по телевизору, она станет знаменитой. Но от этого она не перестанет быть задницей».

Телевидение — это огромная выставка. Дело не только в том, что многие люди хотят появиться на телеэкране с одной целью: выставиться, покрасоваться. Даже если человек не хочет этого, даже если пришел сказать с экрана что-то очень важное, о нем все равно кто-нибудь да скажет: «Красуется».

Я ношу очки, потому что плохо вижу с детства. Бороду я начал носить в то непростое для каждого мужчины время, когда с одной женой уже расстался, а с другой еще не встретился, и потому, совершенно не зная, где именно застанет меня утро, справедливо, как мне кажется, рассудил, что лучше ходить бородатым, чем небритым. Длинные волосы у меня оттого, что мой друг развелся с женой. Жена эта стригла меня, когда же они развелись, стричь стало некому, а в парикмахерские я принципиально не хожу, потому что терпеть не могу, когда чужие руки копаются в моей голове.

Все это называлось просто — внешний вид. А точнее, никак не называлось. «Вот Максимов пришел» — так это все называлось... После первого эфира внешность моя получила чисто русскую кличку «имидж», меня стали спрашивать, как я над ним работаю и как я его выбрал. Мои простые ответы журналистов не удовлетворяли, казались им несерьезными, а то и издевательскими...

Итак, я перестал быть просто Максимовым — я стал одной из картинок этой многоканальной выставки:

— Какой краской вас рисуют? Вы сами выбираете тона? А кисти? Холст вам не мал? А подрамник не жмет?

Главное — относиться ко всему этому иронично, понимая: ты всего лишь картинка, некое отображение реальности. Настоящая, реальная реальность находится по другую сторону экрана.

Из жизни вратаря

За других не скажу, но после первой сотни гостей в моем эфире я вдруг очень остро стал ощущать странную патологию своей телевизионной профессии. Ведь что происходит-то на самом деле?

К тебе приходит незнакомый человек. Появляется, как правило, где-то за час до эфира. Вы начинаете общаться. Потом садитесь в кадр. Ты задаешь вопросы, подчас такие, за которые в приличной компании вполне можно схлопотать по лбу. Собеседник же твой мало того что руки не распускает, так еще и отвечает, порой весьма искренне, почти исповедально. Вы общаетесь в общей сложности около двух часов. Два часа серьезного, наполненного общения. После этого очень часто расстаетесь если не друзьями, то, скажем так, близкими приятелями...

И потом не встречаетесь уже больше никогда. Разве что на каких-нибудь тусовках вежливо раскланиваетесь.

И так раз. И еще раз... И еще много, много, много раз.

Ужас прямого эфира еще и в том, что твои просчеты никто не сможет исправить. Команда может подготовить тебя, а дальше: выплывешь или утонешь — твои проблемы.

На одном из первых моих эфиров со мной произошел неприятный случай, который я запомнил на всю жизнь. Телезрительница рассказала ужасную историю про трагическую гибель ребенка, и от волнения я не нашел ничего лучшего, как ляпнуть:

— Надо же, какой интересный сюжет!

Поскольку старался скрыть волнение, произнес я эту пошлость к тому же весьма равнодушным голосом. Можно, конечно, оправдаться волнением, но все одно: сам виноват.

— Как отнеслась ваша дочь к тому, что вы стали писательницей? — поинтересовался я у писательницы Александры Марининой.

Маринина посмотрела на меня взглядом профессионального следователя и произнесла, мило улыбаясь:

— Вы знаете, а у меня нет дочери...

Я готов был провалиться сквозь землю. Конечно, можно было бы ругать за неверную информацию редакторов, но это занятие напрасное. Ведущий в прямом эфире — это как вратарь: пропустил плюху, сам и виноват.

И вот что удивительно: помочь тебе во время эфира очень трудно, хотя иногда и редакторы выручают, и режиссеры, а вот испортить все, что ты делаешь, может один человек. Причем не из вредности (хотя и так бывает), а из-за непрофессионализма.

Например, могут неправильно поставить свет — тогда и твой собеседник, и ты сам будете выглядеть хмурыми, серыми, скучными людьми. Или, например, оператор во время беседы может громко переговариваться с режиссером или, что еще хуже, начать зевать. Или режиссер не будет успевать показывать твою реакцию на слова собеседника, и ваша беседа будет выглядеть нелепой...

Один из самых «кошмарных кошмаров», которые периодически видятся мне во сне, таков. Снится мне, что мой гость исчерпывающе ответил на вопрос, а у меня больше вопросов нет. Ни одного. Я смотрю тупо на гостя, он на меня. Время идет. Тут я, как правило, просыпаюсь. Чаще всего в поту. Причем в холодном.

Как правило, из подготовленных вопросов я задаю один, от силы два. Но сам факт того, что вопросы есть, мне лично придает сил и уверенности. Хотя для меня самое главное не то, как меня подготовили редакторы, а как меня, условно говоря, подготовила жизнь, то есть в каком состоянии находятся мои душа и мысли, когда я сажусь перед камерой.

Подготовила
Ольга АЛЕКСЕЕВА